

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Толстых Владислав Леонидович

Директор Центра международного права
Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва),
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва),
доктор юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

После распада СССР государства Центральной Азии сумели избежать (за редким исключением) острых конфликтов, характерных для кавказского и европейского регионов. Данное обстоятельство может быть объяснено разными причинами, но не должно вселять излишний оптимизм: конфликтный потенциал региона – достаточно большой; имеющиеся противоречия могут быть легко обострены; турбулентность, имеющая место в других постсоветских регионах, может распространиться и на Центральную Азию. Существующие международно-правовые инструменты выглядят недостаточными и нуждаются в усовершенствовании; слабость постсоветской международно-правовой традиции препятствует данной работе. Основными группами противоречий, существующих в регионе, являются противоречия, вытекающие из национально-государственного размежевания 1924 г.; противоречия, связанные с решениями центральных органов власти СССР (например, с использованием Семипалатинского полигона); противоречия, возникшие в результате распада СССР (в частности, проблема распределения водных ресурсов); конфликтные ситуации, имеющие место на периферии региона (конфликт между Арменией и Азербайджаном и др.). Автор определяет подходы к их международно-правовой квалификации и инструменты, которые могут быть использованы для их смягчения или устранения. Создание нового интеграционного наднационального объединения могло бы стать всеобъемлющим решением. Данная перспектива, однако, выглядит отдаленной. Маловероятна и реформа существующих объединений (ЕАЭС и СНГ), уделяющих внимание исключительно экономическим вопросам. Более реалистичной на данном этапе представляется политика малых дел, предполагающая кропотливый анализ отдельных проблем и разработку локальных решений. Подход к разрешению международных споров на постсоветском пространстве, сложившийся в 90-е гг. XX в., характеризуется следующими основными особенностями: политизация публичной риторики, преимущественное использование согласительных механизмов, монополия России на посредничество и добрые услуги, недостаток внимания со стороны правовой доктрины. В настоящее время он меняется: государства все чаще апеллируют к международному праву и обращаются в международные суды; наряду с Россией в качестве посредников стали выступать США, Турция и Китай; международно-правовая доктрина, наконец, начала уделять данным вопросам должное (но пока еще недостаточное) внимание. Международно-правовая политика РФ и политика интеграционных объединений с ее участием должна учитывать эти общие и объективные тренды.

Ключевые слова: международно-правовая политика, международные споры, территориальное размежевание, государственные границы, право на самоопределение, правопреемство государств, трансграничные водотоки, анклав, центральноазиатская интеграция

Для цитирования: Толстых В. Л. Конфликтный потенциал Центральной Азии и международное право // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 14–31. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14.

CONFLICT POTENTIAL OF CENTRAL ASIA AND INTERNATIONAL LAW

Tolstykh Vladislav

Director, Center for International Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow), chief researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

After the collapse of the USSR, the states of Central Asia managed to avoid (with rare exceptions) the sharp conflicts typical of the Caucasian and European regions. This circumstance can be explained by various reasons, but should not inspire excessive optimism: the conflict potential of the region is quite large; existing contradictions can be easily exacerbated; turbulence taking place in other post-Soviet regions may spread to Central Asia. Existing international legal instruments appear insufficient and need to be improved; the weakness of the post-Soviet international legal tradition hinders this work. The main groups of contradictions existing in the region are contradictions arising from the national delimitation in the Soviet Union (1924); contradictions related to the decisions of the central authorities of the USSR (for example, to the use of the Semipalatinsk test site); contradictions that arose as a result of the collapse of the USSR (in particular, the problem of distribution of water resources); conflict situations that take place on the periphery of the region (the conflict between Armenia and Azerbaijan, etc.). The author defines approaches to their international legal qualification and tools that can be used to mitigate or eliminate them. The creation of a new integration supranational organization could be a comprehensive solution, this prospect, however, looks distant. The reform of existing associations (the EAEU and the CIS), which pay attention exclusively to economic issues, also looks unlikely. More realistic at this stage is the policy of small deeds, which involves a thorough analysis of individual problems and the development of local solutions. The approach to resolving international disputes in the post-Soviet space, which took shape in the nineties of the twentieth century, is characterized by the following main features: politicization of public rhetoric, predominant use of conciliation mechanisms, Russia's monopoly on mediation and good offices, lack of attention from the legal doctrine. It is currently changing: states are increasingly appealing to international law and applying to international courts; along with Russia, the United States, Turkey and China began to act as intermediaries; international legal doctrine has finally begun to pay due (but still insufficient) attention to these issues. The international legal policy of the Russian Federation and the policy of integration associations with its participation should take into account these general and objective trends.

Key words: international legal policy, international disputes, territorial delimitation, state borders, right to self-determination, succession of states, transboundary watercourses, enclaves, Central Asian integration

*For citation: Tolstykh V. (2023) Conflict potential of Central Asia and international law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 14–31, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14.*

Введение

З. Бжежинский определяет регион, охватывающий некоторые районы Ближнего Востока, Кавказ и Центральную Азию, как «Евразийские Балканы»; здесь также имеют место острые этнические конфликты и соперничество великих держав за гегемонию. Характерной чертой данного региона является «сочетание вакуума силы и всасывания силы»¹. Взятый за основу этот тезис означает не только отсутствие влиятельных политических игроков (субъективной силы), но и дефицит международного права (объективной силы): слабость правовых связей, неэффективность международных соглашений, низкий уровень юридической техники, несостоятельность интеграционных институтов. Такое положение вещей не препятствует внутривнутриполитическому

¹ Бжежинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и ее стратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. С. 149–150.

развитию и стимулирует *многовекторность*, т. е. укрепление связей за периметром региона. Оно, однако, тормозит развитие регионального правопорядка и подрывает его иммунитет перед лицом внутренних противоречий.

После распада СССР государства Центральной Азии сумели избежать (за редким исключением) острых конфликтов, характерных для кавказского и европейского регионов. Это может быть объяснено разными причинами: мудростью политического руководства, традициями мирного сосуществования, влиянием крупных соседей и слишком большими рисками, предполагаемыми конфликтами. Данное обстоятельство, однако, не должно вселять излишний оптимизм: конфликтный потенциал региона – достаточно большой; имеющиеся противоречия могут быть легко обострены; турбулентность, имеющая место в других постсоветских регионах, может распространиться и на Центральную Азию. Существующие международно-правовые инструменты выглядят недостаточными и нуждаются в усовершенствовании; слабость постсоветской международно-правовой традиции (во всяком случае в практической ее части) препятствует этой работе.

Цель статьи в связи с этим состоит в том, чтобы определить основные группы межгосударственных противоречий, сформулировать подходы к их международно-правовой квалификации и определить инструменты, которые могут быть использованы для их смягчения или устранения. В методологическом плане статья предполагает несколько акцентов: акцент на широком историческом и политическом контексте конфликта (а не на его редуцированной для целей правоприменения структуре), акцент на предупреждении конфликта (а не на его разрешении *post factum*), акцент на региональных и двусторонних подходах (а не на неадаптированном общем праве). Наконец, лейтмотивом размышлений над данной проблематикой является идея евразийской интеграции, реализация которой не только снимет большинство противоречий, но и позволит сформулировать новые ценности и смыслы.

Противоречия, вытекающие из национально-государственного размежевания¹

В 1924 г. советская власть осуществила важнейшее мероприятие – *национально-территориальное размежевание*. Его суть – определение доминирующих этносов, территориальное разграничение между ними, государственное строительство, развитие экономики и национальной культуры. В результате размежевания были созданы пять республик (*Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР и Казахская ССР*), а также *Кара-Калпакская Автономная Советская Социалистическая Республика*.

С юридической точки зрения результаты размежевания не могут быть поставлены под сомнение: в соответствии с принципом *uti possidetis juris* границы государств-преемников должны следовать бывшим административным границам; применительно к Центральной Азии – границам бывших советских республик. Данный принцип призван обеспечить преемственность порядков и предотвратить войны за территории. Он был применен при определении границ государств, образовавшихся в процессе деколонизации, а также государств, образовавшихся после распада СССР, Югославии и Чехословакии. В настоящее время он рассматривается как часть обычного права.

Применение принципа *uti possidetis* выглядит проблематичным. Во-первых, он изначально применялся только к деколонизации и лишь в одном регионе – Латинской Америке; его распространение на другие регионы не сопровождалось формированием устойчивой практики и *opinio juris* и не соответствовало практике, сформировавшейся по итогам Первой мировой войны. Во-вторых, меньшинства часто не принимают результаты разграничения на основе *uti possidetis*, ссылаясь на право наций на самоопределение и концепцию «восстановительной сессии». В-третьих, в условиях дефицита легитимности элиты новых государств часто проводят политику национальной унификации, т. е. определяют себя как защитников национальной культуры и пытаются создать гомогенное общество. В таких случаях сохранение административных границ, не совпадающих с границами расселения этносов, не предотвращает конфликты, а, наоборот, способствует их разжиганию.

¹ Более подробное освещение проблем, связанных с размежеванием, см.: Толстых В. Л. Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32.

Применительно к Центральной Азии принцип *uti possidetis*, однако, выглядит предпочтительным решением. Во-первых, иные подходы несостоятельны. Действительно, основой урегулирования не могли выступать границы, предшествующие советскому *status quo*: в 1924 г. территории Бухары и Хорезма были разделены между Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном, и их границы перестали иметь отношение к политической реальности; границы же ареалов кочевых народов (казахов и кыргызов) никогда не были определены точно. Во-вторых, процесс перехода центрально-азиатских республик к независимости не был отягощен проблемой сепаратизма, как это имело место в Югославии или на Кавказе. Видимо, главную роль в этом сыграли осознание населяющими регион народами принадлежности к большой тюркоязычной мусульманской общине (надэтносу) и понимание того, что сепаратизм угрожает целостности этой общины. В-третьих, политика коренизации принесла плоды: в советский период в республиках Центральной Азии сформировались государственные институты, опирающиеся на лояльность не только титульной нации, но и меньшинств; примером могут служить Казахстан и Узбекистан.

Таким образом, международно-правовой подход к определению границ новых государств соответствует объективным процессам в регионе и обеспечивает надежную гарантию против конфликтов, поводом для которых могла бы стать неудовлетворенность результатами размежевания. Еще одной гарантией являются договоры, подтверждающие границы, в частности Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия (1994 г.), в котором стороны «подтвердили свое обязательство в соответствии с принципами заключительного акта СБСЕ уважать... существующие границы Республики Казахстан».

Сдерживающая способность *uti possidetis* и данных договоров не должна переоцениваться: политические события могут резко обострять вопрос о границах и выводить дискуссию за пределы сугубо правового дискурса. Большое значение в таких ситуациях могут приобретать односторонние гарантии; примером может служить заявление Китая от 14 сентября 2022 г. о том, что он будет «решительно поддерживать Казахстан в защите его независимости, суверенитета и территориальной целостности»¹.

События на Украине, вторая Карабахская война, пограничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном и проблема непризнанных образований актуализируют вопрос о территориальной целостности постсоветских государств: данная целостность становится *все более хрупкой*. Ее сохранение в связи с этим предполагает разработку *новых* гарантий: договорных, односторонних, институциональных. Отдельно должен быть поставлен вопрос об укреплении механизмов посредничества, миротворчества и коллективной безопасности: их низкая эффективность в ситуации с Нагорным Карабахом ставит под угрозу проект евразийской интеграции *в целом*. Наконец, ощущается острый дефицит площадок, на которых могли бы обсуждаться и решаться вопросы внешней политики: ни одна из постсоветских организаций не выступает в качестве такой площадки, вопросы внешней политики остаются предметом двусторонних переговоров и нерегулярных саммитов.

Две проблемы, связанные с размежеванием, находятся в стадии обострения. *Первая* из них – проблема Каракалпакстана, которую предстоит решить средствами конституционного права Узбекистана. *Вторая* – проблема анклавов, приобретающая хронический характер в отношениях между Кыргызстаном и Таджикистаном.

В Кыргызстане находятся таджикские (села Ворух и Западная Калача) и узбекские (Сох, Шахимардан, Чон-Гара, Джангайл) эксклавы. Между Ворухом и основной территорией Таджикистана находится кыргызское село Ак-Сай. В Ворухе сливаются два притока реки Исфары, важной для сельского хозяйства. Через Ак-Сай проходит единственная дорога, связывающая западную часть Баткенского района с остальной территорией Кыргызстана; прокладка дороги в другом месте затруднена. В районе анклавов регулярно происходят конфликты, связанные с использованием вод и гравия, дорожным строительством, контрабандой, контролем над транспортными путями. Иногда они перерастают в вооруженное противостояние (Ворух – 2014, 2019, 2021, 2022 гг.; Сох – 2013, 2020 гг.).

¹ Китай намерен поддерживать Казахстан в защите независимости и суверенитета // ТАСС. 2022. 14 сент. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15749097> (дата обращения: 01.05.2023).

Проблемы, связанные с анклавом, не могут быть решены исключительно на основе норм общего права, не адаптированных к конкретной ситуации¹. Варианты двусторонних решений также выглядят ограниченными. *Первый* вариант состоит в обмене территориями. Равноценный обмен, однако, маловероятен. *Второй* вариант – создание транспортных коридоров. Данный вариант выглядит реализуемым, но едва ли устранит все противоречия. *Третий* вариант предполагает создание особой приграничной зоны, предусматривающей свободное пересечение границ, включение анклавов в таможенную территорию Кыргызстана и использование в них кыргызского сома. Разработка такого режима, однако, предполагает более высокий уровень доверия (отсутствующий сегодня) и использование юридической техники, качественно отличающейся от используемой в настоящее время. *Четвертый* вариант предполагает создание институциональных механизмов предотвращения конфликтов и оперативного реагирования на них. Этот вариант является паллиативным (временным) и не исключает необходимости выработки субстанциального решения. В целом, кыргызско-таджикское противостояние подтверждает вывод о недостаточности двустороннего формата и необходимости развития коллективных механизмов посредничества и безопасности.

Противоречия, вытекающие из решений центральных органов власти СССР

Вторая группа противоречий имеет отношение к решениям центральных властей, повлекшим негативные демографические и экономические последствия. К числу наиболее драматичных относятся следующие решения:

1) *подавление Среднеазиатского восстания 1916 г.* Восстание было вызвано переселенческой и земельной политикой властей; поводом стал указ Николая II о привлечении «инородцев» к тыловым работам. Восставшие убили 3 тыс. переселенцев; в результате ответных действий российской армии погибло от 100 до 270 тыс. человек (погибшие в бою, бежавшие в Китай, расстрелянные по приговору суда);

2) *голод в Казахстане 1919–1922 гг.* Причиной голода стали неурожай в областях Центральной России и последовавшая за ним продразверстка в других регионах, в том числе в Казахстане (конфискация скота); дополнительным фактором были засуха и падеж скота (джут) 1920–1921 гг. В результате голода население Казахстана сократилось на 1 млн человек; точное число погибших неизвестно;

3) *голод в Казахстане 1932–1933 гг. (Ашаршылык)*, унесший жизни около 1 млн человек. Голод в Казахстане был частью общесоюзного голода, вызван масштабным изъятием скота и продовольствия у кочевников. Целью этих мер являлось уничтожение кулачества, принуждение кочевников к оседлому образу жизни и коллективизации, удовлетворение продовольственных потребностей Москвы и Ленинграда;

4) *освоение Целины.* В 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В результате распашки степей были уничтожены природные зоны (в том числе пастбища), созданы условия для пылевых бурь и ветровой эрозии почвы. После короткого периода сверхвысоких урожаев эффективность распаханых земель упала до 65 %; она было частично восстановлена только в 2005–2015 гг., после внедрения новых методов;

5) *испытания ядерного оружия на Семипалатинском полигоне 1949–1989 гг.* (468 испытаний, 1,3 млн официально пострадавших). В результате работы полигона были подвергнуты радиоактивному заражению восточные области Казахстана, некоторые участки Новосибирской области и Алтайского края. На территории, прилегающей к полигону, увеличены показатели раковых заболеваний и мутаций;

6) *исчезновение Аральского моря.* В начале XX в. государство взяло курс на развитие хлопководства, увеличило объемы водозабора из Амударьи и Сырдарьи (с 60 до 120 км³/год), расширило площадь орошаемых земель – с 4,5 (1960 г.) до 7 млн га (1990 г.). В результате сток рек резко сократился – с 63 (1960 г.) до 3,2 км³/год (2003 г.); поверхность Арала уменьшилась с 69 (1950 г.) до 7 тыс. км² (3,8 и 3,3); объем упал с 1 тыс. км³ (1960 г.) до 75 км³ (2007 г.); минерализация увеличилась с 10 до 100–200 г/л;

¹ По мнению П. Ратон, «право на транзит является логическим следствием признания анклава окружающим государством»; индивидуальное регулирование анклавов более целесообразно, чем создание общего режима (Raton P. Les Enclaves // *Annuaire français de Droit International*. 1958. P. 191, 192, 195).

рыболовство сократилось с 60 (1980 г.) до 5 тыс. т (1994 г.); береговая линия отступила на 100 км; прилегающие земли подверглись засолению и опустыниванию¹;

7) *принудительные переселения (депортации) народов (1943–1944 гг.)*. Во время Второй мировой войны и незадолго до нее советская власть переселила в Казахстан, Киргизию и некоторые другие регионы представителей «неблагонадежных национальностей»: 390 тыс. поляков (по другим данным – 1,2 млн), 173 тыс. корейцев, 367 тыс. немцев, 70 тыс. карачаевцев, 500–650 тыс. чеченцев и ингушей, 37 тыс. балкарцев, 190 тыс. крымских татар, 115 тыс. турок-месхетинцев. Многие переселенцы погибли по пути или прибыв на место назначения.

Данные решения ни в совокупности, ни по отдельности не свидетельствуют о *дискриминационном характере* политики центра по отношению к окраинам. Большинство из них были *частью общей политики*, при реализации которой были приняты меры по *равномерному распределению* экономического и иного бремени. В некоторых случаях имела место *позитивная дискриминация*, т. е. предоставление окраинам привилегий по сравнению с центральными областями². Многие решения не соответствуют сегодняшним моральным и правовым императивам, но выглядят *оправданными в сопутствующем им историческом контексте*. Распад СССР, однако, редуцировал данный контекст, на первый план вышел прямой эффект данных мер, негативная оценка которого стала эффективным инструментом обеспечения внутренней легитимности, переориентации экономики и внешней политики и пр.

Как результат, некоторые государства, образовавшиеся после распада СССР, предъявили претензии к России как к продолжателю СССР. Так, 5 ноября 2015 г. министры юстиции прибалтийских государств приняли «Декларацию о противоправном Пакте Молотова – Риббентропа 1939 г. и его секретных протоколах», в которой заявили о том, что они «эксплуатировались для политических и экономических нужд оккупационного режима» и, как результат, «понесли огромные демографические и социально-экономические потери». Поскольку Россия провозгласила себя преемником СССР, все претензии, возникшие в результате оккупации, должны быть урегулированы ею³. Аналогично, некоторые политические силы на Украине намерены добиться от России компенсации за голод 1932–1933 гг. (Голодомор).

Центральноазиатские государства не предъявляют к России такого рода претензий в силу не только субъективных, но и объективных обстоятельств. Действительно, в своей внешней политике они не ориентируются исключительно на Запад и не рассматривают Россию как своего культурного или политического антагониста. Немаловажно и то, что их государственность была сформирована в эпоху СССР: критика решений, принятых в эту эпоху, неизбежно ее подрывает, стимулируя сепаратистские и экстремистские движения. Исторический нарратив, однако, может быть относительно легко перенастроен: советская национальная политика может быть квалифицирована не как *формирование государственности центральноазиатских народов*, но как *насильственное сворачивание ее традиционных форм*⁴. Истина, как это часто бывает, находится посередине: включение среднеазиатских земель в состав Российской

¹ Существуют иные объяснения деградации Арала; среди них – геологическая версия об оттоке воды из Аральского бассейна в Каспийский бассейн, версия о естественных циклах Арала и версия о глобальном потеплении; как отмечает А. С. Кудинов, «господствующая версия об ирригации для развития хлопководства в Центральной Азии в советское время выглядит достаточно однобоко». См.: Кудинов А. С. Аральское море: глобальное решение региональной проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 32–39. DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

² Проявлениями «позитивной дискриминации» стали коренизация (развитие национальной культуры и предоставление национальных квот); ускоренное государственное строительство; создание письменности. См.: Щербак А. Н., Белячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника // Политическая наука. 2016. № 1. С. 104–105.

³ Мьялсоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / пер. А. Крашевский. Tartu: Tartu University press, 2005. С. 285–295; Ziemele I. State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? // International Law from a Baltic Perspective. Brill-Nijhoff, 2020. P. 54–76.

⁴ «В течение XIX века Российская империя постепенно ликвидировала ханскую власть в Казахстане, внедрив вместо исконных казахских форм государственности структуры и законодательство империи» (Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Институт законодательства Республики Казахстан, 2015. С. 318).

империи на самом деле прервало естественное развитие национальной государственности, однако в условиях *неконкурентоспособности* незападных политических моделей это развитие было бы прервано в любом случае, вопрос стоял только в том, какая из западных держав выполнит эту миссию.

Правовая квалификация рассматриваемых решений является более дифференцированной, чем квалификация решений, относящихся к первой группе, и предполагает использование нескольких правовых режимов. Основания для ответственности России в рамках *режима правопреемства* отсутствуют. Во-первых, правопреемство означает замену одного государства другим в несении ответственности за *международные отношения* определенной территории¹, в данном же случае речь идет о попытке вменения ответственности за внутренние отношения (т. е. отношения между центральными органами государства и его регионами / гражданами). Во-вторых, в соответствии с договоренностями, оформленными после распада СССР, Россия является продолжателем СССР только в отношении участия в договорах и членства в международных организациях; во всех остальных случаях она является преемником, т. е. должна нести ответственность *наряду* с другими государствами, образовавшимися после распада СССР².

Другим релевантным режимом является *режим самоопределения*. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV), подтвердила, что «народы в своих собственных интересах могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами» и в силу права на самоопределение «свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Статья 1 Пакта о правах человека 1966 г. воспроизвела эти формулировки и дополнительно указала, что «ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования», а все государства, отвечающие за управление самоуправляющимися и подопечными территориями, должны уважать это право.

Этот режим также не может выступать основой для претензий. Во-первых, право наций на самоопределение в своем антиколониальном аспекте консолидировалось как обычная норма только с принятием Резолюции 1514 (XV) и не может распространяться на более ранние ситуации³. Во-вторых, на практике оно трактуется ограничительно: его бенефициарами являются только те нации, которые находятся в колониальной зависимости или под оккупацией, а его эффект в основном состоит в признании их *права на сецессию*⁴. Внутренний аспект (отношения между центральной властью и подчиненными народами) рассматривался редко и, как правило, в контексте иных режимов (например, режима оккупации)⁵. В-третьих, центральноазиатские

¹ См. ст. 2 (1b) Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. и ст. 2 (1a) о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г.

² П. П. Кремнев приходит к выводу о том, что Россия не идентична СССР (доктрина континуитета), поскольку факт прекращения существования СССР был зафиксирован в многочисленных актах и соглашениях, она, однако, продолжила осуществлять все международные права и обязательства СССР. Содержание концепции продолжательства сводится к смене или автоматическому перенесению прав и обязательств государства-предшественника на государство-продолжатель в международных отношениях. В некоторых вопросах положение государства-продолжателя может ничем не отличаться от статуса остальных преемников. Данная концепция является новой для международного права (Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 149–169). С данной точкой зрения сложно согласиться: по своей сути «продолжательство» выглядит автоматическим преемством, т. е. преемством, не нуждающимся в специальном оформлении.

³ В Заключении от 25 февраля 2019 г. о последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. МС ООН указал, что принятие Резолюции 1514 (XV) стало решающим моментом в консолидации практики в сфере деколонизации. В 1960-х гг. процесс деколонизации ускорился. Таким образом, между Резолюцией и процессом деколонизации, последовавшим после ее принятия, существует связь. Хотя Резолюция формально является рекомендацией, она декларирует право на самоопределение как обычную норму (пар. 152).

⁴ Заключения МС ООН о последствиях присутствия Южной Африки в Намибии от 21 июня 1971 г., о Западной Сахаре от 16 октября 1975 г.; о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия от 25 февраля 2019 г.

⁵ В Заключении о последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 г. Международный суд ООН счел, что территория, занятая Израилем в 1967 г., является

республики не удовлетворяют тесту «соленой воды» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1541 1960 г.), в соответствии с которым «несамоуправляющимися территориями» считаются только те территории, которые *расположены отдельно* и отличаются в этническом и культурном отношении от управляющей страны¹. Иными словами, их нахождение в составе СССР не может быть признано *колониальной зависимостью*.

Эволюция права на самоопределение в сторону расширительного толкования не представляется возможной: предоставление новым независимым государствам права на получение компенсации от метрополии за нерациональную экономическую или социальную политику серьезно дестабилизирует международные отношения: адресатом таких исков станут все западные страны, а предъявленные требования будут носить заведомо невыполнимый характер, в связи с этим данное право *никогда не будет признано* на уровне обычая. Возможное исключение – договорные режимы, установленные по окончании колониальной эпохи (т. е. в XX в.), например режим мандатов или режим оккупации².

Режим ответственности за международные преступления также неприменим. Индивидуальная уголовная ответственность невозможна в силу естественных причин: все причастные к принятию указанных решений давно умерли. Ответственность государства на основании Конвенции о геноциде 1948 г. невозможна в силу отсутствия ее обратной силы и сложностей, связанных с доказыванием специального намерения (*dolus specialis*). Первое препятствие теоретически может быть снято признанием запрета геноцида обычаем, сложившимся до Второй мировой войны, работа в этом направлении, однако, неизбежно затронет колониальную политику западных стран. Таким образом, объявление таких событий, как Голодомор или Ашаршылык, геноцидом имеет лишь политическое (но не юридическое) значение.

В постсоветских странах политика СССР по отношению к окраинам обсуждается преимущественно *за пределами правового дискурса*; это обстоятельство усиливает конфликтный потенциал указанных событий и создает предпосылки для неверных правовых квалификаций. Ответная риторика РФ носит во многом зеркальный характер и также характеризуется пренебрежением к правовой составляющей³. Задача отечественной доктрины в связи с этим состоит в том, чтобы осуществить *сугубо правовой анализ* и выработать систему аргументов, которые в перспективе могли бы быть использованы внешнеполитическим ведомством. Табуирование данной проблемы, акцент на встречных обвинениях и эмоциональная реакция демонстрируют *слабость правовой позиции*.

окупированной и в ее отношении действуют Женевская конвенция IV и договоры о правах человека. Израильские поселения на ней были созданы в нарушение международного права, а строительство стены создает «свершившийся факт», который может стать постоянным, что будет равнозначно аннексии. Строительство стены создает опасность демографических изменений и в связи с этим нарушает право палестинцев на самоопределение. Оно препятствует осуществлению жителями оккупированной территории свободы передвижения, а также прав на труд, здоровье, образование и достаточный жизненный уровень. В малоизвестном Решении по делу о толковании Договора Манагуа от 2 июля 1881 г. арбитр (император Австрии Франц Иосиф I) подверг критике экономическую и социальную политику Никарагуа по отношению к народу мискито, хотя и не признал ее нарушением международного права.

¹ Это уточнение было принято по настоянию США, не желающих распространения принципа самоопределения на индейские племена, проживающие на их территории. См.: Roy A. J. Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada. N. Y.: Cornell University Press, 1998. P. 13–23.

² В 1989 г. Науру обратилось в Международный суд ООН, требуя от Австралии, выступавшей в качестве администрирующей державы, возмещения за хищническую эксплуатацию его фосфатных земель. В 1992 г. Суд признал себя компетентным. В сентябре 1993 г. стороны достигли дружественного урегулирования: Науру отказалось от иска после того, как Австралия согласилась выплатить компенсацию.

³ В Резолюции от 30 ноября 2022 г. Бундестаг признал голод на Украине (1932–1933 гг.) геноцидом украинского народа. В Заявлении от 1 декабря 2022 г. МИД РФ отметил, что «страшный голод бушевал не только на Украине, но и на всей территории нашей страны, унеся миллионы жизней» (юридический аргумент, одно предложение), после чего перешел к встречным обвинениям в адрес парламента Германии и Запада в целом (десять предложений). См.: Заявление МИД России в связи с резолюцией парламента Германии по теме массового голода в СССР в 1932–1933 годах // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2022. 1 дек. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1841172 (дата обращения: 01.05.2023).

Противоречия, возникшие в результате распада СССР¹

Третья группа противоречий связана не с решениями центральной власти, а, наоборот, с их *отсутствием*. С распадом СССР исчез централизованный механизм примирения противоположных интересов, в рамках которого советское правительство устанавливало правовые режимы и выступало в качестве арбитра; новые государства столкнулись с необходимостью действовать на основе международного права, обращаясь к согласительным (а не централизованным) механизмам.

1. *Проблема распределения водных ресурсов* исследована достаточно хорошо². Водные потребности региона удовлетворяются за счет двух рек: Сырдарья берет начало в горах Тянь-Шань (Кыргызстан), а Амударья – в Памире (Таджикистан); обе реки текут с востока на запад, через Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, и впадают в Аральское море. Воды Сырдарьи собираются в Токтогульском водохранилище, построенном на ее притоке Нарын (Кыргызстан). В советский период 75 % стока производилось в вегетационный период (апрель – сентябрь) и 25 % – зимой (октябрь – март); 46 % направлялось в Узбекистан, 44 – в Казахстан, 8 – в Таджикистан и 2 – в Киргизию³. Добавочное «летнее» электричество направлялось в Узбекистан и Казахстан; в обмен Киргизия получала топливо из этих стран. Этот порядок прекратил свое существование после распада СССР.

Решение данной проблемы может основываться на общем праве, интеграционном праве, региональных инструментах, двусторонних соглашениях и односторонних актах. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (*общее право*) не содержит четкого алгоритма: ее ст. 6 закрепляет сразу несколько факторов справедливого и разумного использования водотоков; на практике разные государства настаивают на приоритете разных факторов⁴. Выстраивание баланса факторов предполагает обращение к третьей стороне, например к международным судам, решение которой будет неизбежно дискреционным⁵. Кроме того, Конвенция не регулирует вопрос компенсации, а из стран региона ее ратифицировал только Узбекистан.

Интеграционное право (СНГ, ЕАЭС) не содержит механизмов решения экологических проблем и сконцентрировано исключительно на регулировании товарооборота. Кроме того, высшие органы СНГ и ЕАЭС, использующие метод консенсуса, не в состоянии выполнять функцию разрешения споров (ст. 13, 17, 18 Договора о ЕАЭС): государство, не согласное с решением большинства, не связано им. Компетенция Суда ЕАЭС по разрешению споров между государствами (п. 39 (1) Статута Суда ЕАЭС) является не востребуемой и не может быть задействована в отсутствии материально-правовых оснований (более реальной в связи с этим выглядит возможность вынесения консультативного заключения).

¹ При написании данного раздела частично использовалась статья: Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

² Борисова Е. А. История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 122–123; Каюмов А. Дефицит водных ресурсов и динамика межгосударственного сотрудничества в бассейне Нарына и Сырдарьи // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. С. 92–107; Campins Eritja M. Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability // Paix et Sécurité Internationales. 2019. № 7. P. 13–46. DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01; Murthy Sh. L., Mendikuloва F. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy // Vermont Journal of International Law. 2017. Vol. 18. P. 400–454.

³ Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна Сырдарьи и постановление Госплана СССР № 11 от 5 мая 1982 г., протокол № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР от 7 февраля 1984 г. по Сырдарье и протокол № 566 от 10 сентября 1987 г. по Амударье.

⁴ Претендуя на «летнюю воду», Узбекистан может ссылаться на социально-экономические потребности (нужды сельского хозяйства), зависимость населения (рост его численности), существующее использование и экологические факторы (заболачивание в результате сброса «зимней воды»). Кыргызстан, в свою очередь, также может ссылаться на данные потребности (необходимость сброса «зимней воды» с целью запуска ГЭС), требовать от Узбекистана эффективного использования «летней воды» и компенсации его расходов на содержание водохранилищ.

⁵ См., например, решения арбитражного суда по делу Кишенганги от 18 февраля и 20 декабря 2013 г. (Пакистан и Индия).

Два многосторонних договора: Соглашение о совместном использовании водных ресурсов государств Центральной Азии 1992 г. и Рамочное соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна Сырдарьи 1998 г. – характеризуются низким уровнем юридической техники и не обеспечиваются эффективными механизмами мониторинга и разрешения споров. Соглашение 1992 г. поручило определение лимитов потребления Координационной водохозяйственной комиссии, но не решило вопрос о компенсации. Соглашение 1998 г. закрепляет принцип обмена «летней воды» на топливо и отсылает к ежегодным двусторонним соглашениям, но не устанавливает механизм корректировок стока в засушливые годы, режим эксплуатации водной инфраструктуры и методики расчета компенсации.

Основным инструментом водно-энергетического бартера сегодня выступают *двусторонние и трехсторонние ежегодные соглашения*, заключаемые под эгидой Координационной комиссии. Практика их заключения, похоже, приобрела регулярный и упорядоченный характер¹, они обеспечивают гибкое и ориентированное на реальные потребности регулирование (в частности, учитывают ожидаемое маловодье). Они, однако, не основаны на системе *общих обязательств* и предполагают *постоянное согласование* интересов, требующее значительных дипломатических усилий со стороны «нижних» государств. Достигнутый в их отношении консенсус в связи с этим является ненадежным.

В 2001 г. Кыргызстан принял Закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений», закрепивший следующие принципы: признание права собственности государства на водные ресурсы; признание воды как вида ресурсов, имеющего экономическую стоимость и являющегося товаром; платность водопользования в межгосударственных отношениях; достижение взаимной выгоды на справедливой и разумной основе и др.² Максималистский подход, закрепленный в Законе, не был реализован на практике; данный демарш, однако, свидетельствует о недостаточности существующих решений и возможности обострения ситуации.

2. Проблема *Аральского моря* имеет два аспекта. Первый касается ответственности за решения центральных властей и был рассмотрен выше. Второй аспект касается мер по преодолению экологической катастрофы и ликвидации ее последствий. В 1993 г. государства региона заключили Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, определившее общие задачи (ст. 1), и учредили Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря; основной формой деятельности этих органов стали совещания и конференции³. Помимо этого был принят ряд деклараций: Нукуская 1995 г., Алматинская 1997 г., Ашхабатская 1999 г., Душанбинская 2002 г., Алматинская 2009 г. В 2006 г. государства региона заключили Рамочную конвенцию об охране окружающей среды для устойчивого развития в Центральной Азии, закрепившую принципы сотрудничества и ряд общих обязательств (сотрудничества, справедливого и разумного использования ресурсов, улучшения экологической ситуации в бассейне Арала и др.).

В 2005 г. Казахстан построил за счет средств Всемирного банка Коккаральскую дамбу, не позволяющую воде из Малого Арала стекать в Большой. Результатом стало

¹ Информация об этих соглашениях содержится на сайте Международного фонда спасения Арала (URL: <http://cawater-info.net>) в разделе «Ежегодник „Вода в Центральной Азии и в мире“».

² Кыргызстан рассчитывал получать за воду до 350 млн долл./год, ссылаясь на то, что одно содержание ГЭС и водохранилищ обходится ему в 120 млн. Узбекистан, в свою очередь, заявил об убытках в размере 770–800 млн, которые «нижние» страны несут в результате нерационального использования вод Кыргызстаном (затопление и загрязнение). См.: Жильцов С. С. Роль водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии в развитии региона // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV междунар. науч. конф. (Москва, 28 марта 2019 г.): в 4 ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2019. Ч. 1. С. 82.

³ В 2022 г. Исполнительный комитет МФСА организовал экспедицию молодых ученых, встречи с международными партнерами, региональный семинар, его сотрудники приняли участие в 12 форумах. Национальные структуры, аффилированные с Фондом (Исполнительная дирекция МФСА в Казахстане, Агентство по реализации проектов МФСА в Узбекистане), реализуют мероприятия практического характера, в основном за счет грантов. См.: Ежегодник «Вода в Центральной Азии и мире 2022». URL: http://cawater-info.net/yearbook/2022/03_yearbook2022_ru.htm (дата обращения: 01.05.2023).

улучшение состояния Малого Арала и ухудшение состояния Большого Арала, который разделился на Восточный и Западный. Казахстан ссылается на то, что спасение Большого Арала невозможно. Программа спасения Малого Арала вызвала протесты Узбекистана; в последние годы, однако, он изменил свое отношение, что объясняется подготовкой к освоению нефтегазовых ресурсов Арала (которое станет невозможным в случае восстановления Большого Арала). Строительство Казахстаном дамбы, тем не менее, выглядит проблематичным в свете общего международного права, запрещающего причинение трансграничного ущерба (ст. 7 Конвенции 1997 г.).

Проблема Арала привлекает внимание международных экологических организаций, их деятельность, однако, оценивается как малоэффективная. Так, Зеленый климатический фонд, действующий в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г., недавно одобрил четыре проекта для Узбекистана. Только один из них связан с Аралом и предусматривает финансирование программ диверсификации сельскохозяйственных культур, управления водными ресурсами, восстановления деградированных земель и т. п.; сумма гранта относительно небольшая (68,8 млн долл.). Другие проекты предусматривают финансирование в больших объемах, но имеют менее четкие индикаторы; так, «Высокоэффективная программа для корпоративного сектора» (1 млрд для 7 стран) предусматривает переход к низкоуглеродной экономике «путем содействия внедрению технологий и стимулирования изменения поведения на уровне корпоративного управления»¹.

Проблема распределения водных ресурсов и проблема Арала являются *связанными*, их решение в связи с этим должно осуществляться на основе одних принципов, в рамках одного правового режима и под эгидой одного институционального механизма.

Набор *принципов* выглядит очевидным: 1) многосторонний (инклюзивный) подход; 2) справедливая компенсация «верхним» странам – в денежной форме или в форме поставок электричества (топлива); 3) учет экологических соображений; 4) единство экономической системы региона; 5) долгосрочность и устойчивость. Соответствующий *правовой режим* может включать общие обязательства, заимствованные из Конвенции 1997 г., и ряд дополнительных обязательств, касающихся водно-энергетического бартера, содержания инфраструктуры и процедуры принятия ежегодных решений о водозаборах. Рамочный принцип, закрепленный в Соглашении 1998 г., выглядит оптимальным, ежегодные лимиты, однако, более целесообразно определять не соглашениями государств, а односторонними решениями международной организации.

Институциональный механизм, созданный под эгидой МФСА, выглядит *удовлетворительным*, но имеет недостатки: неоправданно сложная структура, слабое взаимодействие подразделений, акцент на согласительных процедурах, недостаточное финансирование, нечеткость нормативных основ, отсутствие компетенции по проведению мониторинга и урегулированию разногласий². Его реформа в связи с этим выглядит необходимостью; ее варианты включают совершенствование структур МФСА³; создание новой организации с широкой компетенцией⁴; создание водно-энергетического консорциума, объединяющего госструктуры, сельскохозяйственные и энергетические организации⁵.

¹ Green climate fund. Republic of Uzbekistan. URL: <https://www.greenclimate.fund/countries/uzbekistan> (дата обращения: 01.05.2023).

² Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 22/4. Алматы; М.: Евразийский банк развития, 2022. С. 79–81.

³ В 2010 г. Исполнительный комитет МФСА при поддержке ЕЭК ООН и Германского общества по техническому сотрудничеству сформулировал ряд предложений: уточнение мандатов центральных и региональных органов; усиление координирующей роли центральных органов; улучшение распределения между странами мест расположения региональных органов; введение международной ротации руководителей; интернационализация персонала; упорядочение координации и взаимодействия национальных структур; улучшение координации связей с международными организациями; улучшение прозрачности в распределении помощи международного сообщества и др. См.: Дискуссионный документ «Совершенствование организационной структуры и договорно-правовой базы МФСА: анализ и предложения». 2010. С. 23. URL: https://unece.org/DAM/env/water/cadialogue/docs/rus/Draft_Paper_united_FINAL.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Дискуссионный документ «Совершенствование организационной структуры...». С. 28–35.

⁵ Проект Консорциума широко обсуждался в конце 90-х гг., Научно-информационный центр МКБК подготовил проект его устава. См.: URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/carewib/02_iwec.pdf (дата об-

Общий вывод состоит в целесообразности разработки новой конвенции, заменяющей Соглашения 1992 г. и 1998 г. и выступающей в качестве «водной конституции» Центральной Азии. Ее стратегическая цель могла бы состоять не только в обеспечении более эффективного межгосударственного сотрудничества в водно-энергетической сфере, но и в качественном улучшении экологической ситуации¹.

Внешние конфликты

К четвертой группе относятся конфликтные ситуации, имеющие место на периферии региона. Государства Центральной Азии не являются их непосредственными участниками; эти ситуации, однако, могут прямо затрагивать их интересы и провоцировать их конфликты друг с другом либо с внешними акторами. Наиболее острый характер носят противоречия, связанные со статусом Каспийского моря, конфликт между Азербайджаном и Арменией и конфликт между Россией и Украиной.

1. В настоящее время международно-правовой статус Каспийского моря выглядит неопределенным: договоры с Ираном 1921 г. и 1940 г. устарели; Конвенция о статусе Каспийского моря 2018 г. не была ратифицирована Ираном; двусторонние договоры о делимитации дна не связывают Иран². Вместе с тем, несмотря на отказ Ирана от ратификации Конвенции, он, как представляется, связан некоторыми ее положениями в силу сформировавшегося после распада СССР обычая и принципа эстоппеля. Наиболее острыми являются следующие вопросы:

определение границ иранского сектора. Иран настаивает на равном распределении, т. е. претендует на сектор площадью 20 % (это противоречит интересам соседних Азербайджана и Туркменистана); другие государства используют в двусторонних соглашениях линию эквидистанции (в результате ее использования Иран получит лишь 14 %);

граница между Азербайджаном и Туркменистаном. Двусторонний договор о делимитации дна не заключен; блок нефтегазовых месторождений находится ближе к побережью Туркмении, но в советский период разрабатывался бакинскими нефтяниками³; Туркменистан предлагал передать спор в международный суд; в 2021 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по совместной разработке месторождения «Достлук» («Дружба») и в настоящее время ведут переговоры о заключении соглашения о совместном освоении⁴;

режим прокладки трубопроводов и строительство Транскаспийского газопровода (ТКГ), позволяющего транспортировать туркменский и казахстанский газ через

ращения: 01.05.2023). В 2022 г. Евразийский банк развития вернулся к этой идее и предложил создать консорциум, основной целью которого станет совместная реализация крупных инвестиционных проектов в водном хозяйстве, направленных на оптимизацию использования водных ресурсов (в том числе за счет модернизации ирригационной инфраструктуры и внедрения современных методов орошения), и электроэнергетике с целью формирования надежной региональной структуры генерирующих мощностей (см.: Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Указ. соч. С. 88).

¹ А. С. Кудинов выделяет три стратегии: 1) сохранение *status quo*; 2) реализация масштабных гидротехнических решений (поворот сибирских рек и забор воды из Каспия); 3) принятие локальных мер. Первая стратегия – неэффективна, вторая – нереалистична и сомнительна с правовой точки зрения: «Непричинение трансграничного ущерба и устойчивое развитие местных сообществ при сохранении экосистем, в рамках которых происходит их жизнедеятельность, являются *ratio legis* международного экологического права и должны применяться как общие принципы...» В связи с этим автор останавливается на третьей стратегии, задача которой – сократить губительное воздействие проблемы на окружающую среду и жизнедеятельность людей. Возможные меры включают развитие водоемов в дельте Амударьи, реконструкцию ирригационных систем, внедрение водосберегающих технологий, лесопосадки на осушенном дне Арала и предотвращение опустынивания. См.: Кудинов А. С. Указ. соч.

² Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 9–19.

³ Азербайджан, соответственно, руководствуется принципом *uti possidetis juris*. См.: Нерсисян Л. Россия вооружает прикаспийские страны для сохранения стабильности на Каспии // Военное обозрение. 2013. 12 авг. URL: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (дата обращения: 01.05.2023); Азербайджан с Туркменией не поделили Кяпаз (Сердар) на Каспийском море // Neftegaz.ru. 2012. 2 июля. URL: <https://neftgaz.ru/news/politics/262767-azerbaydzhan-s-turkmeniey-ne-podelili-kyapaz-serdar-na-kaspiyskom-more> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Газаль Б. Значение и последствия нового соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном в Каспийском бассейне // Каспийский вестник. 2021. 18 марта. URL: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdu-turkmenistanom-i-azerbajdzhanom-v-kaspijskom-bassejne> (дата обращения: 01.05.2023).

Азербайджан в Турцию и Европу, минуя российские газопроводы. Россия изначально возражала против этого проекта, настаивая на необходимости согласия всех пяти прикаспийских государств и ссылаясь на высокую сейсмичность района и его экологическую уязвимость. Конвенция 2018 г., однако, разрешила прокладку трубопроводов при условии соответствия их проектов экологическим требованиям, а также согласования трассы с государством-транзитером; Россия согласилась на это условие после того, как ФРГ, Финляндия и Швеция дали согласие на строительство «Северного потока – 2» в их исключительных экономических зонах. После диверсии на «Северных потоках», имевшей место 26 сентября 2022 г., стало вероятным возвращение России к прежней позиции.

2. Правовой режим конфликта между Азербайджаном и Арменией определяется четырьмя резолюциями Совета Безопасности ООН 1993 г. (822, 853, 874, 884), признающими территориальную целостность Азербайджана и других государств в регионе, и Заявлением о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 г., принятым по окончании второй Карабахской войны. В соответствии с Заявлением Армении обязалась вернуть Азербайджану оккупированные районы и гарантировать транспортное сообщение между западными районами Азербайджана и Нахичеванью; Лачинский коридор, связывающий Карабах и Армению, был передан под контроль российских миротворцев. Азербайджан, считая, что Соглашение дает ему право на строительство, использование и экстерриториальный статус Зангезурского коридора, приступил к строительству железной и автомобильной дорог на своей территории. Армения выступает против такой трактовки и считает, что Азербайджан готовит аннексию Зангезура (Сюника)¹. Спор по поводу Зангезура является зеркальным отражением спора по поводу Карабаха: большинство населения этого региона до Октябрьской революции 1917 г. составляли азербайджанцы (в 1897 г. 51,7 %), в 1921 г. он, однако, был передан Армении. Зангезурский коридор свяжет не только две части Азербайджана, но и Турцию с государствами Центральной Азии²; его открытие станет мощным стимулом для интеграции тюркских народов, существенно ослабит влияние России на постсоветском пространстве³, создаст долгосрочную угрозу интересам Ирана⁴ и в перспективе может усугубить уйгурскую проблему в Китае.

3. Российско-украинское противостояние вызвало неоднозначную реакцию в регионе. Официальная позиция всех пяти республик выглядит нейтральной или даже пророссийской; все пять республик воздержались от голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г. и «О прин-

¹ Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 марта. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (дата обращения: 01.05.2023).

² «Азербайджан... имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю... Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии» (Бжезинский З. Указ. соч. С. 26).

³ В. Абаджян пишет: «Если сравнить Договор о дружбе, сотрудничестве и безопасности между Россией и Азербайджаном от 1997 г. и Шушинскую декларацию о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой от 2021 г., то можно прийти к выводу, что во втором документе предусмотрены гораздо более действенные меры по обеспечению взаимной безопасности и сотрудничества, нежели в первом. Так, в Шушинской декларации достигнута договоренность об оказании в случае агрессии или угрозы агрессии со стороны третьего государства необходимой помощи в соответствии с Уставом ООН. Далее предусматриваются механизмы тесного взаимодействия в области безопасности и обороны, экономического и гуманитарного сотрудничества и т. д. ...Вышеупомянутый договор между Азербайджаном и Россией в случае возникновения ситуации, создающей угрозу миру, предусматривает лишь проведение безотлагательных консультаций и обмена информацией». См.: Абаджян В. Кавказский фронт «Евразийских Балкан» // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 29 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Иран назвал защиту территориальной целостности Армении своей красной линией // EurAsia Daily. 2021. 27 янв. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/27/iran-nazval-zashchitu-territorialnoy-celostnosti-armenii-svoey-krasnoy-liniey> (дата обращения: 01.05.2023).

ципах справедливого мира» от 23 февраля 2023 г. Вместе с тем некоторые из них свернули совместные проекты в области образования и безопасности¹, а президент Казахстана заявил, что не признает «квазигосударственные территории» ДНР и ЛНР. Экономические последствия также выглядят двоякими: с одной стороны, страны региона нарастили товарооборот с Россией, стали коридорами для параллельного импорта и выиграли от притока квалифицированных мигрантов; с другой стороны, предприятия, торгующие с Россией, столкнулись с угрозой вторичных санкций; а Казахстан – с проблемой транзита своих углеводородов через российскую инфраструктуру².

Данные внешние вызовы свидетельствуют о наличии следующих проблем:

1) хрупкость границ, основанных на принципе *uti possidetis juris*, актуализация вопросов, связанных с действием права наций на самоопределение и принципом территориальной целостности;

2) острый кризис механизмов коллективной безопасности (прежде всего ОДКБ), необходимость их реформирования; неспособность ЕАЭС или СНГ обеспечивать координацию внешней политики и разрешение международных конфликтов;

3) отсутствие у государств региона собственной политической и международно-правовой позиции по отношению к внешним конфликтам, пренебрежение возможностью посредничества³;

4) нежелание государств региона даже в самых острых ситуациях координировать свои действия друг с другом и вырабатывать согласованную (общую) позицию;

5) общая слабость международно-правовой традиции на постсоветском пространстве, проявившаяся в провале попытки создания устойчивого правового статуса Каспийского моря и эффективных принципов мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном; вытекающая отсюда *зависимость от внешней международно-правовой повестки*.

Данные вызовы *противопоставляют интересы центральноазиатских государств интересам России*, что ставит перед первыми задачу поиска альтернативных направлений сотрудничества (например, в части транзита углеводородов или обеспечения собственной безопасности)⁴, а перед последней – задачу поиска новых механизмов, позволяющих сохранить лидерство в регионе и компенсировать центральноазиатским государствам неудобства, связанные с поддержкой российской позиции.

¹ Например, Казахстан и Кыргызстан отказались от участия в учениях ОДКБ, запланированных на 2022 г., а парламент Кыргызстана подготовил проект Закона «О государственном языке», предусматривающий постепенный отказ от русского языка.

² Бордачев Т. В., Чигова Д. Ю. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 дек. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 01.05.2023); Рахимов К. Центральная Азия: испытание спецоперацией // Независимая газета. 2023. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (дата обращения: 01.05.2023).

³ «Сегодняшнее наложение кризисов также ставит перед ними [государствами Центральной Азии] проблемы, осложняющие их стремление к открытости: блокирование Москвой транзита казахстанской нефти; замедление газового проекта ТАПИ и гидроэнергетического проекта CASA-1000 из-за неопределенности, царящей в Афганистане; сохранение в Центральной Азии советских коммуникаций и методов управления водными ресурсами... Нынешний контекст, тем не менее, в чем-то является классическим, поскольку – как это часто бывало в истории Центральной Азии – он ставит ее в положение ожидания по отношению к иностранным державам». См.: Левыстон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью // *Russie.Nei.Reports*. № 41. Иффри. Ноябрь 2022. С. 34. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epohu> (дата обращения: 01.05.2023). «Центральноазиатские государства вырабатывают особый способ общения с внешними акторами, позволяющий им принимать тот облик, который от них ожидают» (Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность центральноазиатских государств // *Pro et Contra*. 2013. № 1–2. С. 8).

⁴ Примером могут служить усилия Казахстана по поиску новых маршрутов экспорта нефти в Европу и усилия Армении по поиску новых площадок рассмотрения ее конфликта с Азербайджаном (Международный суд ООН, посреднические услуги США). См.: Жильцов С. Казахстан ищет новые маршруты экспорта нефти // Независимая газета. 2023. 13 марта. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (дата обращения: 02.05.2023); Лакстыгал И., Гасымов Н. Азербайджан и Армения обсудили в Вашингтоне мир и Лачин // *Ведомости*. 2023. 2 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbaidzhan-armeniya-obsudili-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

Заключение

Противоречия, существующие в Центрально-Азиатском регионе, могут быть успешно преодолены средствами международного права. Обострение некоторых из них и неэффективность имеющихся платформ и решений свидетельствуют о неразвитости регионального правопорядка и необходимости его реформирования. Создание нового интеграционного наднационального объединения могло бы стать всеобъемлющим решением, данная перспектива, однако, выглядит отдаленной. Маловероятна и реформа существующих объединений (ЕАЭС и СНГ), уделяющих внимание исключительно экономическим вопросам. Более реалистичной на данном этапе в связи с этим представляется политика малых дел, предполагающая кропотливый анализ отдельных проблем и разработку локальных решений.

Подход к разрешению международных споров на постсоветском пространстве, сложившийся в 90-е гг. XX в., характеризуется следующими основными особенностями: политизация публичной риторики, преимущественное использование согласительных механизмов, монополия России на посредничество и добрые услуги, недостаток внимания со стороны правовой доктрины. В настоящее время он меняется: государства все чаще апеллируют к международному праву и обращаются в международные суды (феномен, получивший название *judicialization*)¹; наряду с Россией в качестве посредников стали выступать США, Турция и Китай; международно-правовая доктрина, наконец, начала уделять данным вопросам должное (но пока еще недостаточное) внимание².

Международно-правовая политика РФ и политика интеграционных объединений с ее участием должна учитывать эти общие и носящие объективный характер тренды. Россия, в частности, могла бы выступить с инициативой правового решения водной проблемы или проблемы анклавов, а Суд ЕАЭС мог бы составить консультативное заключение по вопросу о правовом режиме Каспийского моря. Отечественная международно-правовая доктрина вполне способна оказать необходимую методологическую помощь в подготовке и реализации данных мер. Запрос на них со стороны самих центральноазиатских стран, как представляется, имеется.

Отдельной проблемой является дефицит квалифицированных исторических, экономических и политологических исследований, которые могли бы использоваться в качестве основы для международно-правового анализа³. Большинство экспертных заключений, содержащих развернутый анализ ситуации в регионе, составляются при поддержке международных организаций и часто – иностранными специалистами, их объективность в связи с этим может вызывать сомнение; национальные же проекты поддержки академической науки игнорируют данную проблематику. Эта проблема также нуждается в осмыслении и решении.

Список литературы

Абаджян В. Кавказский фронт «Евразийских Балкан» // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 29 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (дата обращения: 01.05.2023).

¹ В настоящее время Международный суд ООН рассматривает два иска Украины к России, иск Армении к Азербайджану и иск Азербайджана к Армении.

² Отдельно следует отметить Первый Центрально-Азиатский международно-правовой форум, организованный Университетом им. О. Е. Кутафина и МГИМО (Университетом) МИД России и прошедший в Москве 26–27 января 2023 г.

³ «Неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ очень часто проистекают от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в регионе... Институциональный потенциал для ведения регулярной и в интересах политики исследовательской работы в этом регионе является слабым. Одним из главных факторов, способствующих широко распространенному разрыву между потенциалом публичной администрации и прикладными исследованиями, является целостное отсутствие вложений в возможности для профессионального развития государственных служащих и исследователей. Крах СССР и последовавший упадок его образовательных институтов наряду с отсутствием национального финансирования качественных исследований разрушили способность государств Центральной Азии вести основанный на фактических данных анализ. Кроме того, интерес международного академического сообщества к Центральной Азии (по сравнению с началом 1990-х) также существенно снизился» (Токтомушев К. Понимание трансграничного конфликта в Центральной Азии // *Connections QJ*. 2018. Vol. 17. № 1. P. 39).

Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и ее стратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. 256 с.

Бордачев Т. В., Чиждова Д. Ю. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 дек. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 01.05.2023).

Борисова Е. А. История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 122–133.

Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 22/4. Алматы; М.: Евразийский банк развития. 2022. 114 с.

Газаль Б. Значение и последствия нового соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном в Каспийском бассейне // Каспийский вестник. 2021. 18 марта. URL: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdu-turkmenistanom-i-azerbajdzhanom-v-kaspijskom-bassejne> (дата обращения: 01.05.2023).

Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 марта. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (дата обращения: 01.05.2023).

Жильцов С. Казахстан ищет новые маршруты экспорта нефти // Независимая газета. 2023. 13 марта. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (дата обращения: 02.05.2023).

Жильцов С. С. Роль водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии в развитии региона // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV междунар. науч. конф. (Москва, 28 марта 2019 г.): в 4 ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2019. Ч. 1 С. 71–90.

Каюмов А. Дефицит водных ресурсов и динамика межгосударственного сотрудничества в бассейне Нарына и Сырдарьи // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. Р. 92–107.

Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012. 170 с.

Кудинов А. С. Аральское море: глобальное решение региональной проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 32–39. DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

Лакстыгал И., Гасымов Н. Азербайджан и Армения обсудили в Вашингтоне мир и Лачин // Ведомости. 2023. 2 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbajdzhan-armeniya-obsudili-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность центральноазиатских государств // Pro et Contra. 2013. № 1–2. С. 6–20.

Левистон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью // Russie.Nei.Reports. № 41. Ифри. Ноябрь 2022. 35 с. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epohu> (дата обращения: 01.05.2023).

Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / пер. А. Крашевский. Tartu: Tartu University press, 2005. 399 с.

Нерсиян Л. Россия вооружает прикаспийские страны для сохранения стабильности на Каспии // Военное обозрение. 2013. 12 августа. URL: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Рахимов К. Центральная Азия: испытание спецоперацией // Независимая газета. 2023. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (дата обращения: 01.05.2023).

Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Институт законодательства Республики Казахстан, 2015. 341 с.

Токтомушев К. Понимание трансграничного конфликта в Центральной Азии // Connections QJ. 2018. Vol. 17. № 1. Р. 23–46.

Толстых В. Л. Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32.

Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 9–19.

Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

Щербак А. Н., Белячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

Campins Eritja M. Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability // *Paix et Sécurité Internationales*. 2019. № 7. P. 13–46. DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01.

Murthy Sh. L., Mendikulova F. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy // *Vermont Journal of International Law*. 2017. Vol. 18. P. 400–454.

Raton P. Les Enclaves // *Annuaire français de Droit International*. 1958. P. 186–195.

Roy A. J. Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada. N. Y.: Cornell University Press, 1998. 140 p.

Ziemele I. State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? // *International Law from a Baltic Perspective*. Brill-Nijhoff, 2020. P. 54–76.

References

Abadzhyan V. (2022) Kavkazskii front «Evraziiskikh Balkan» [Caucasian Front of the «Eurasian Balkans»]. In *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*, 29 Sep., available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (accessed: 01.05.2023).

Bordachev T. V., Chizhova D. Yu. (2022) Tsentral'naya Aziya i ukrainskii krizis. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» [Central Asia and the Ukrainian crisis. Report of the Valdai International Discussion Club]. In *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»*, 22 Dec., available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (accessed: 01.05.2023).

Borisova E. A. (2014) Istoriya razvitiya konfliktov po povodu vodnykh resursov v Tsentral'noi Azii v postsovetskii period [The history of the development of conflicts over water resources in Central Asia in the post-Soviet period]. In *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 9, pp. 122–133.

Bzhezinskii Z. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska (gospodstvo Ameriki i ee strategicheskie imperativy)* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya, 256 p.

Campins Eritja M. (2019) Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability. In *Paix et Sécurité Internationales*, no. 7, pp. 13–46, DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01.

Gazal' B. (2021) Znachenie i posledstviya novogo soglasheniya mezhdou Turkmenistanom i Azerbaidzhanom v Kaspiiskom basseine [The significance and consequences of the new agreement between Turkmenistan and Azerbaijan in the Caspian basin]. In *Kaspiiskii vestnik*, 18 March, available at: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdou-turkmenistanom-i-azerbaidzhanom-v-kaspiiskom-bassejne> (accessed: 01.05.2023).

Guseinov V. (2022) Zangezurskii koridor – kraeugol'nyi kamen' regional'nogo sotrudnichestva na Yuzhnom Kavkaze [Zangezur corridor – the cornerstone of regional cooperation in the South Caucasus]. In *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»*, 22 March, available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (accessed: 01.05.2023).

Kayumov A. (2012) Defitsit vodnykh resursov i dinamika mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v basseine Naryna i Syrdar'i [Water Resources Deficit and Dynamics of Interstate Cooperation in the Naryn and Syrdarya Basins]. In *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 15, is. 3, pp. 92–107.

Kremnev P. P. (2012) *Raspad SSSR i pravopremstvo gosudarstv* [The collapse of the USSR and the succession of states]. Moscow, Yurlitinform, 170 p.

Kudinov A. S. (2023) Aral'skoe more: global'noe reshenie regional'noi problemy [The Aral Sea: a global solution to a regional problem]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 32–39, DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

Lakstygai I., Gasymov N. (2023) Azerbaidzhan i Armeniya obsudili v Vashingtone mir i Lachin [Azerbaijan and Armenia discussed peace and Lachin in Washington]. In *Vedomosti*, 2 May, available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbaidzhan-armeniya-obsudili-mir> (accessed: 02.05.2023).

Laryuel' M. (2013) Vneshnyaya politika i identichnost' tsentral'noaziatskikh gosudarstv [Foreign policy and identity of the Central Asian states]. In *Pro et Contra*, no. 1–2, pp. 6–20.

Leviston M. (2022) Vzaimosvyazannost' v Tsentral'noi Azii v epokhu mezhdunarodnykh krizisov. Transportnaya, energeticheskaya i vodnaya infrastruktury mezhdou vzaimozavisimost'yu i otkrytost'yu [Interconnectedness in Central Asia in an Age of international crises. Transport, energy and water infrastructure between interdependence and openness]. In *Russie.Nei.Reports*, no 41, Ifri, November 2022, available at: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epokhu> (accessed: 01.05.2023).

Murthy Sh. L., Mendikulova F. (2017) Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy. In *Vermont Journal of International Law*, vol. 18, pp. 400–454.

Myalksoo L. (2005) *Sovetskaya anneksiya i gosudarstvennyi kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoi status Estonii, Latvii i Litvy v 1940–1991 gg. i posle 1991 g.* [Soviet annexation and state continuity: the international legal status of Estonia, Latvia and Lithuania in 1940–1991 and after 1991], transl. by A. Krashevsky, Tartu, Tartu University press, 399 p.

Nersisyan L. (2013) Rossiya vooruzhaet prikaspiiskie strany dlya sokhraneniya stabil'nosti na Kaspii [Russia is arming the Caspian countries to maintain stability in the Caspian Sea]. In *Voennoe obozrenie*, 12 Aug., available at: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (accessed: 01.05.2023).

Rakhimov K. (2023) Tsentral'naya Aziya: ispytanie spetsoperatsiei [Central Asia: the test of a special operation]. In *Nezavisimaya gazeta*, 12 March, available at: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (accessed: 01.05.2023).

Raton P. (1958) Les Enclaves. In *Annuaire français de Droit International*, pp. 186–195.

Roy A. J. (1998) *Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada*. New York: Cornell University Press, 140 p.

Sarsembaev M. A. (2015) *Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoi epokhi* [Kazakh Khanate as a sovereign state of the medieval era]. Astana: Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan, 341 p.

Shcherbak A. N., Belyachevets L. S., Platonova E. S. (2016) Istoriya sovetskoj natsional'noi politiki: kolebaniya mayatnika [History of Soviet nationality policy: pendulum swings]. In *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 100–123.

Toktomushev K. (2018) Ponimanie transgranichnogo konflikta v Tsentral'noi Azii [Understanding Cross-border Conflict in Central Asia]. In *Connections QJ*, vol. 17, no. 1, pp. 23–46.

Tolstykh V. L. (2020) Pravovoi rezhim Kaspiiskogo morya po Konventsii 2018 g. i interesy prikaspiiskikh gosudarstv [The legal regime of the Caspian Sea according to the 2018 Convention and the interests of the Caspian states]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 9–19.

Tolstykh V. L. (2022) Tsentral'naya Aziya i mezhdunarodnoe pravo: faktory, problemy, perspektivy [Central Asia and international law: factors, problems, prospects]. In *Zakon*, no. 8, pp. 42–59, DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

Tolstykh V. L. (2023) Gosudarstvenno-territorial'noe razmezhovanie v Tsentral'noi Azii i ego mezhdunarodno-pravovye posledstviya [State-territorial demarcation in Central Asia and its international legal consequences]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 13–32.

Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., et al. (2022) *Regulirovanie vodno-energeticheskogo kompleksa Tsentral'noi Azii. Doklady i rabochie dokumenty 22/4* [Regulation of the water-power complex of Central Asia. Reports and working papers 22/4]. Almaty, Moscow, Evraziiskii bank razvitiya, 114 p.

Zhil'tsov S. (2023) Kazakhstan ishchet novye marshruty eksporta nefti [Kazakhstan is looking for new oil export routes]. In *Nezavisimaya gazeta*, 13 March, available at: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (accessed: 02.05.2023).

Zhil'tsov S. S. (2019) Rol' vodnykh resursov transgranichnykh rek Tsentral'noi Azii v razvitii regiona [The role of water resources of transboundary rivers in Central Asia for the development of the region]. In Semenov A. V., Malyshev N. G. (Eds.) *Ustoichivoe razvitie: obshchestvo, ekologiya, ekonomika: materialy XV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moskva, 28 marta 2019 g.): in 4 parts. Moscow, Moskovskii universitet im. S. Yu. Vitte, part 1, pp. 71–90.

Ziemele I. (2020) State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? In *International Law from a Baltic Perspective*, Brill-Nijhoff, pp. 54–76.